№ 20 (59). Второй год изданія. Цѣна 25 к. в провинціи 30 к.

АДРЕС РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ:
Николаевская ул., д. 26.
Телефон 126—29.
Секретарь и казначей редакціи принимает ежедневно, кромѣ воскресеній, в помѣщеніи редакціи с 5—7 ч. вечера.
Контора редакціи открыта с 10—12 дня, с 5—7 ч. вечера.

БУРЕВѢСТНИК

ОРГАН ФЕДЕРАЦІИ АНАРХИЧЕСКИХ ГРУПП.

Условія подписки.
на 1 мѣсяц . . . . . 5 р. — к.
на 2 „ . . . . . 9 „ 50 „
Перемѣна адреса 40 к.
Подписка принимается в конторѣ редакціи „Буревѣстника“, Николаевская 26 и во всѣх группах федераціи.
Подписка принимается на ежедневную газету только с 1-го числа.

Воскресенье, 28 Января. ЕЖЕДНЕВНО. 1918 год.

Дворники!

Полно вам быть сторожевыми собаками, оберегателями чужого добра. Бѣдным не нужна охрана. Богатых преступно охранять. Поймите! от кого же их оберегаете? От бѣдных, от вас самих! Раскройте ворота, пусть придут истинные хозяева, бѣдные, и возьмут свое добро.

Творите Анархію!

Швейцары!

Полно лакейничать, полно пресмыкаться. Стыдно человѣку быть рабом. Взгляните на себя, как вы принижены. Господа вас кормят отбросами от своего стола. Голодными вы лижете ноги ваших хозяев. Ваши дѣти чахнут во мракѣ и сырости под лѣстницей, а в господских хоромах сіяет солнце и радость. Распахните двери! пусть войдут чахлыя дѣти в храмы и дворцы, пусть зарумянятся у них блѣдныя щеки, зажгутся потухшіе глаза. Пусть ваши дѣти знают веселье и радость за то, что вы их не знали.

Творите Анархію!

Обитатели тьмы! Мы зовем вас к свѣту, к солнцу, к равенству.

Всѣ мы равны. У всѣх нас одинаково течет кровь, бьется сердце, дерзает мысль, пламенѣет гнѣв. Творите равенство.

Творите Анархію!

Владѣльцы дворцов и особняков! Если не желаете равенства, то поселитесь же вы в подвалы, под лѣстницы, в сырые углы.

А мы идем к свѣту, к солнцу.

Творите Анархію!

Что такое анархія?

I.

Испокон вѣков, если не ошибаюсь, еще со времен Аристотеля, анархія выражала собой безвластіе, а это тогда и в позднее время, означало безпорядок.

Но так как всѣ термины и многія понятія, с теченіем времени, видоизмѣнялись и теряли свое первоначальное содержаніе, то тоже случилось и с выраженіем „Анархія".

Годвин, один из первых, внял новое понятіе в анархію, он создал нѣчто положительное, он оформил прежнія безконтурныя черты и пополнил его практическими предпосылками.

Анархизм превратился в соціологическое ученіе, чѣм дальше, тѣм болѣе опредѣлялась его физіономія.

Но вот родился Штирнер. Его прикосновеніе к анархизму явилось, с моей точки зрѣнія цѣлительным бальзамом и переоцѣнка всѣх цѣнностей, сдѣланная им, навсегда останется его заслугой. Подвергнув острой, всесокрушающей критикѣ, общепринятыя абстрактныя понятія, как, например, „Бог" он дѣйствительно не оставил камня на камнѣ от них. Новая эра наступившая послѣ „новаго Евангелія" Штирнера, этого, дѣйствительно „единственнаго", спасла анархизм от его уничтоженія и приспособленія к окружающей средѣ обывателей.

Послѣ Штирнера, большой вѣхой или как говорят, „отцом анархизма„ явился Прудон. Под его творческим созданіем анархическая идеологія стала принимать вполнѣ опредѣленную окраску.

Разрушеніе стараго общества — вот великая задача, которую ставит себѣ отнынѣ анархизм. Не витаніе умственное в облаках, не кабинетное мышленіе сибаритствующих ученых, а конкретное, дѣйствительное подкапываніе под общественный порядок, вот что имѣет ввиду новый анархизм.

Но, разя своим мечем на-право и на лѣво, Прудон сам все глубже погружался в практицизм и рѣшил, что идеал анархистов вполнѣ осуществим теперь же. Он нарисовал картину перехода в новое общество мирным путем, путем я бы сказал, реформистским.

Панацею от всѣх общественных бѣд, Прудон видѣл в устройствѣ такого учрежденія, гдѣ, как в сердцѣ организма, происходит обмѣн веществ обмѣн продуктов. Такое красивое, геніальное в своей простотѣ, рѣшеніе мірового вопроса, об устройствѣ рая на землѣ, возможно что было бы выполнено им самим, но препятствія стоявшія на пути его опытов с Народным банком, были слишком велики и преодолѣть их ему не удалось.

Но все, что им сдѣлано в этой области, дает примѣр для будущих и настоящих работ соціальнаго творчества. Может быть, что если бы задуманное Прудоном было совершено в громадном масштабѣ и при активной поддержкѣ многих, мы уже имѣли бы то зерно, которое, обволакиваемое красивыми и почти метафизическими фразами, не допускало в анархизмѣ нахожденія точек соприкосновенія с дѣйствительностью.

И мы дальше видим, что с появленіем на міровой аренѣ борьбы Бакунина, анархизм принимает рѣзко бунтарскій характер.

Имя Бакунина, этого новаго бича буржуазіи, являлось устрашающим для живущих чужим трудом. Как метеор, он пронесся по Россіи и Европѣ и всюду вносил бунт и возмущеніе. В противоположность Прудону, он мало строил и больше разрушал. Стоя на грани двух вѣх, между Штирнером и Кропоткиным, он взял много из перваго и не мало оставил в наслѣдство послѣднему. Он как бы стоял одной ногой в прошлом а другой—в будущем.

Потому-то так странна красива, не послѣдовательна его знаменитая фраза: дух разрушенія — созидающій дух.

В ней он еще не отрѣшился от строительства, в то же время его жизнь есть только всеотрицаніе и протест. Он как-то промолвился, что послѣ разрушенія, он построит новый мір, и... опять его разрушит.

Клокотанье жизни, брызги через край, громада энергіи выражалась его жизнью, но логически она была не продумана и не подходила к его ученію.

В этом сказывалось вліяніе жизни даже на сильную из сильных личностей.

Если помимо нашего стремленія и желанія в процессѣ разрушенія зарождаются творческія кирпичи для фундамента новой общественной жизни, то эта естественная историческая тенденція указывает только на об'ективную преемственность жизни, чѣм на суб'ективное поползновеніе Бакунина вліять разрушеніем на будущее строительство.

Но Бакунин не дал себѣ в этом яснаго отчета.

Яркій факел, чѣм Бакунин зажег пожар в Европѣ, это благородный свѣточ, о котором мы, молодое поколѣніе анархистов, даже не признавая каких бы то ни было авторитетов, вспоминаем с удивленіем и чувством глубокаго проникновенія. Бакунин, со всѣми своими ошибками, не логичностями был настоящим, дѣйствительным „милостью божьей", анархистом. И глядя на нынѣшнее желаніе многих анархистов только строить, строить до того, что они вполнѣ являются бакунистами на-изнанку и их девизом может быть ничего общаго с анархизмом неимѣющее выраженіе: дух созиданія—разрушительный дух!

Анархизм вырождается; превращается в мирное обывательское „ученіе", в котором меньше бунта и революціи, чѣм в евангеліи Христа.

Послѣ Бакунина, строителем, видным творцом анархическаго ученія, явился Петр Кропоткин. Можно думать, что теперь только анархизм стал „научным"; что он обоснован и логически доведен до своего конца, что он стал законченным, цѣльным міровоззрѣніем и міропониманіем.

Но надо сказать, что в идеях Кропоткина восторжествовал больше Прудон, нежели Бакунин, и в этом его отрицательная сторона. Когда говорят анархистам: что вы даете кромѣ разрушенія и каков ваш идеал?—мы может смѣло отослать их к Прудону и Кропоткину, но я бы сказал: наше разрушеніе есть уничтоженіе той язвы, которая заражает весь мір, наше чистое разрушеніе есть уничтоженіе, всеміровая дезинфекція очагов соціальных болѣзней. И если наша земля будет очищена от разлагающихся міазмов, если она станет кристально—чистой и благорастворенієм воздухов будет дѣйствительно не фантазія, то что еще вам нужно? Но если вы уже хотите обязательно имѣть нѣчто положительное, осязаемое, вам нужно нарисовать будущее, помимо желанія людей будущаго, общественный строй, т. е. то, что будет послѣ всеобщей анархической чистки, то я отвѣчу: всѣ обезвреженныя клоаки вы можете заполнить... одеколоном.

Я утверждаю, я говорю, что ученіе анархизма должно быть той идеей, которая одухотворяла христіан первых вѣков, тѣм свѣтом, который своим сильным блеском не дает возможности обращать вниманіе на жизненные пустяки и на всѣ блага буржуазно-обывательской жизни, отшвыривает, как идеал мѣщан.

Анархизм это, всеотрицаніе всеразрушеніе. Он напоминает мнѣ стремленіе библейских пророков, которые подходя к своему идеалу, в процессѣ борьбы, отбрасывали его, как ненужную вещь, как лишнюю обозу, и сбросив его под ноги, шли по нем к новому идеалу; они были предвѣстниками Бакунина и предвосхитили его идею, они повторили его ошибку или он их.

Андрей.

Газеты „Дѣло народа" и „Питер" в Трибуналѣ печати.

Вновь образованный Трибунал по дѣлам печати открывает свои дѣйствія.

В воскресенье, 28 января, в Трибуналѣ будут разсмотрѣны обвиненія, пред'явленныя к редакціям газет „Дѣло Народа" и „Питер". Обвиненія и защита построены в Трибуналѣ печати на тѣх же основаніях как и в Революціонном Трибуналѣ. Защитниками и обвинителями могут быть лица из состава присутствующих на судебном разбирательствѣ.

Мы, анархисты, не можем не относиться отрицательно к всей этой игрѣ в „правосудіе", в „законность". У большевиков мы усматриваем лишь одну непослѣдовательность. Если Учредительное Собраніе разгоняют, то к чему было созывать его. Гораздо цѣлесообразнѣе и умнѣе было бы слушаться нас, анархистов, провозгласившіх лозунг: „Долой Учредительное Собраніе!" с первых дней революціи. Если старый участок уничтожен, то нечего строить комиссаріаты. Если чиновничество саботирует, то долой их вмѣстѣ со всей властью: К чему же играть в „комиссаріат" послѣ банкрота министерствованія. И никак в толк не можем взять, к чему дурацкій Трибунал печати. Кого обманем? К чему эти дымки права? Развѣ здѣсь не рѣшает сила. Будьте же откровенны и мужественны, мы закрываем и будем закрывать и впредь. Реакціонныя газеты нужно закрыть, типографіи конфисковать. Но ломать „судей"—для чего? Развратная барыня ниже и хуже проститутки, открытой и честной. Она смѣла и заслуживает уваженія. Экспропріатор—смѣльчак, а вор—„тать в нощи", трус. Самосуд, как он ни скверен и вреден, но гораздо возвышеннѣе, чѣм суд, чѣм грубое насиліе драпирующееся в „закон", Раз'яренная толпа, совершающая самосуд, человѣчна, движима чувством мести и возмущенія. В этом наряду с дикостью и звѣрством есть и свое особенное благородіе и величіе, величіе гнѣва. Но тысяча раз ниже и мерзостнѣе, болѣе дико и звѣрски, это суд, и еще нелѣпѣе его — его обезображенный трибунал. Революціонный трибунал — это революціонная контр-революція.

Б. Г.

Письмо анархист

Я зову вас, товарищи, об
безпощадную войну Государ
Власти и частной собствен
Зову вас на борьбу за Ми
венство и Братство...

Не слушайте наших
говорящих, что мы хотим ра
шенія!

Мы хотим единенія. Мы
тим—Братства. Мы жаждем
наго счастья Анархіи... Не
членениые, не отдѣльные
мы проповѣдуем—а великую
мірную федерацію коммун,
интересы каждой личности
интересами міра, а поэтому
лой искуственныя государ
ныя границы, создающія ро

Пока будут существоват
дѣльныя государства—будут
ны, будет эксплуатація
государства другим.

Мы не хотим власти,
что она есть насиліе. Не
мы созданы для того, чтобы
тать на власть, на кадры
новников, жандармерію, на
жаніе тюрем, войск, попов
обще, на безчисленных
власти, которые нас же насил

Мы добровольно несем на
нѣ этих паразитов и кто не
хочет слушаться их указов —
об'является преступником и
сается в тюрьму.

Это „по закону".

Если кто с голода взял
газинѣ кусок хлѣба — тот „
ступник", презираемый общес
но если кто ограбил цѣлую
бернію крестьян или раб
кто вѣчно, как вампир,
них золото, — то этот чел
уважается „обществом", счита
человѣком коммерческаго ум
чудным общественным дѣяте

Таковы понятія у обще
гдѣ есть Власть и частная
ственность.

Что в государствѣ называ
народом?—да—капиталисты и
ственники и представители вла
— а пролетаріев — велич
„чернью"...

Неужели вы не видите, что
же ваше человѣческое досто
ство попирается государством!

Да и дѣйствительно же

Бездомные.

Набросок с натуры.

> Город! Ты таишь в себѣ нищету, мерзость и слабость человѣка...
> Львы Анархіи! разбейте каменныя клѣтки.
> Насадите ширь и вольность полей и благоуханіе цвѣтов красоты в городѣ...
>
> (Бр. Гордины).

Город был небольшой, но тяжелый, торговый, давящій чѣм то смрадным и вливающим в грудь, как брызги яда, всесжигающую тоску. Город был холодный, чужой и разсвѣт был в нем какой-то не свой, не румяный, а чахлый, с тусклым сверканьем ржавых рѣшеток и с дымчатой гнилью грѣющихся луж.

Вѣтер звенѣл вывѣсками, дышал запахом рыбы, гнилого мяса и грязной, долголежалой муки, а пригрѣтыя первыми лучами лужи курились заплеснѣлым дурманом болот, а из подвалов вѣяло стужей могил и запахом ржаваго, из'єденнаго влагой желѣза.

Утро разгоралось, холод таял в сіяющих снопах солнца, грязь, дымясь, высыхала, а небо становилось все глубже и торжественнѣй, а город весь уже купался в широких потоках золота, блестя стеклами, омытыми влагой ночи...

За площадью высоким, тѣнистым островом шумѣл холм с морем крестов, утонувших в густой зелени цвѣтущих липовых чащ. Там пыльным зноем млѣли тѣни и свѣжей землей да цвѣтами дышал влажный дерн могил. Там липы шептались даже в тихую, безвѣтренную погоду и зеленый полумрак плавал в сырых, душистых аллеях, и вѣчная роса дрожала бисером на гранитѣ памятников и чугунѣ оград и узорных крестов.

Волька еле добрел до кладбища и сѣл с мутной тоской в заплаканных глазах на камень. Кругом шла ограда высокая, колючая, с чугунными столбами, глубоко впившимися в сырую грудь земли. За оградой манила роща благоуханьем мокрых чащ и зеленым полумраком.

И хотѣл он лечь на траву, да уснуть, да забыть обо всем, потому что всю ночь шел, и кости болѣли, и ноги ныли в язвах от ѣдкой пыли дорог.

Вынул хлѣб из мѣшка и вяло жевал сѣрое, полусырое тѣсто.

Город просыпался и стонал от грохота и гомона. Весь уже стоял во мглѣ пыльных волн, в сизых струях смраднаго дыма. Весь дрожал от суеты, а площадь кишѣла народом и улицы стали черными от лѣпящихся верениц блѣдных, вѣчно утомленных людей.

Наступал день, знойный и пыльный, солнце жгло камни и пило лужи тяжелой духотой. И в кроваво-жарком воздухѣ гуще был запах рыбы, гнилого мяса и дымящихся луж...

Волька стал дремать. От тепла все тѣло охватила липкая испарина, большія зеленыя мухи покрыли осунувшееся лицо, а руки, как плети, упали на мѣшок с сухим, недоѣденным куском хлѣба.

И проснулся только тогда, когда свалился с камня и больно ударился головой о колючую проволоку ограды.

Вздрогнув, вскочил, протер глаза, стал их таращить во-всю, борясь со слѣпящим сіяніем дня.

Город все гудѣл да гудѣл, тонул во мглѣ и зной дрожал в воздухѣ...

— Авось, перепрыгну...—прошептал Волька, покрѣпче нахлю[illegible] шапку на глаза и стал перелѣзать через колючую, всю в острых шипах рѣшетку. Оцарапал руки, сорвал рубашенку и, [illegible] морщась от боли, стал у столба ползти кверху.

Спрыгнул с той стороны грузно и неуклюже, зацѣпился за и растянулся во весь рост. Чайник оторвался и со звонким грохотом полетѣл в бок. Холст мѣшка колючки растерзали в клочки, а все колѣно алѣло от крови.

Подобрал пожитки, побѣжал, прихрамывая, в глубь кладбища и, звучно гремя чайником, уже смѣялся, весело и беззаботно. Забыл тоску и ужас млѣющаго в зноѣ города, и смрадную мглу его, и чахлых, желтых людей...

Липы стояли строгими рядами и дрожали влажныя тѣни на могилах. Солнечные блики трепетали на металлических вѣнках, на чугунѣ крестов. Шелестѣли фарфоровые цвѣты, играл вѣтер траурными лентами, а сырость плыла от каждой могилы, от каждой чащи вѣчно мокрых кустов.

Были аллеи, гдѣ плавали вечернія, зеленоватыя сумерки. Бисером тлѣла роса на тяжелых памятниках, а у толстых, узловатых корней вѣковых лип темнѣла черная, как уголь, земля.

Там было жутко и холодно, и сыростью курились чащи жасмина, и скупо дрожали брызгами лучи на блестящих листьях.

Но Волька нашел веселую поляну, всю в лазоревой дымкѣ, всю сочную, сверкающую, облитую золотым теплом. Дрались бирюзовыя стрекозы в ликующем воздухѣ и горѣли алмазы в изумрудном дернѣ скромных могил.

Здѣсь чугун не давил, чащи не грозили сумраком и ограды не сберегали от чужих людей дорогой гранит.

Здѣсь были простые, бѣлые кресты и порою играли с вѣтром над низкими, зелеными холмами рваныя, вышитыя красным полотенца.

Волька сбросил чайник да клочья мѣшка и растянулся на травѣ, под синеватым крестом с двумя алыми лентами.

Было тихо. Шептались липы, да шелестѣли крылья стрекоз. В травѣ что то копошилось, возилось и стрекотало, а издалека плыл гул и грохот и вѣтер порою приносил звон желѣза и чоканье тяжелых подков. Над городом стоял туман от пыли и дыма, но солнце огненными взрывами рвало мглу и горячіе каскады окатили душным жаром весь город.

Волька стал дремать под сонный шелест лип и вѣки налились тяжелым свинцом, и тѣло утонуло в теплой усталой лѣни — как кто-то запѣл старческим разбитым голосом. Пѣл жалобно, с дрожью в каждом звукѣ, с плачем в каждом словѣ. Волькѣ показалось, что это он во снѣ слышит. Не пошевелился. Улыбнулся и весь утонул в нѣгѣ. Солнце жгло лицо, с каждой минутой тяжелѣе становились вѣки. И стал уж видѣть ясно дрожь зарниц, солому деревень и дым разрушенных труб. И откуда-то из хат плыл этот жутко-жалобный голос, полный безпредѣльной тоски, доходящей до животнаго, безысходнаго ужаса. Старческое стенанье хватало за сердце. Это не пѣсня лилась, а глухое рыданье в надтреснутых звуках.

Волька очнулся, приподнялся на локтѣ и, жмурясь от солнца, стал глаза таращить. Слѣпил блеск лазури и колотились о лицо бирюзовыя стрѣлки.

Сидѣла старуха за кудрявой березой и прислонилась к полусгнившему, поникшему кресту и, вся бѣлая, горбатая, временем изрытая, пѣла молитвы, качаясь как маятник.

Березка была свѣжая и юная. Сочные листья трепетали вверху и шептались с теплыми вздохами вѣтра, а внизу млѣли цвѣты на могилѣ и кудрявыя, пестрыя тѣни скользили, дрожа, по мертвенно-неподвижному, застывшему в безпредѣльной скорби лицу старухи. Птичья головка лоснилась в золотых брызгах, капавших огнистыми бликами с березы, а глаза густо слезились и общипанныя вѣки больно гноились от знойных лучей и лѣтней пыли.

Была старуха—вся скорбь и ужас, и пѣсня была ея-плач и жалоба, и безпомощное стенанье...

Пахло жасмином, сочной корой благовонно-курящейся березы, гелеотропом и полевыми цвѣтами. Грѣлись намогильные кресты в теплѣ слѣпящих лучей, горѣли в теплой лазури самоцвѣтными каменьями зеленыя мухи и стрѣлки с отливами бирюзы и кругом был праздник солнечных каскадов и млѣющих в золотѣ цвѣтов.

Волька встал и тихо, несмѣло, с большим любопытством в глазах подошел к березкѣ. Подошел сзади, неслышно, крадучи
А потом спустился в сухую канаву, будто маки рвать по бере
а сам во всѣ глаза разсматривал старуху, блиставшую вспухл
незрячими бѣлками, покрытыми кровавыми пятнами.

Старуха вдруг умолкла. Зажевала синими губами, отог
няло муху от лица и, нечаянно звякнув тарелкой с пятак
спросила хрипло, чуть слышно:—кто тут?..—Сплюнула, сор
цвѣток с могилы, сунула его машинально в рот и повторил
брюзжаніем в тонѣ:

— Кто ту-ута-а?..

Волька струсил и спрятался весь в канавѣ. Но потом
нул голову, посмѣлѣл и, послѣ краткаго молчанія, проговорил
рывающимся, заискивающим голосом:

— Волькой звать меня, тетенька... бабушка. Волькой
А по батюшкѣ—Тимофеич... Волькой звать... Я из Селизней...

Вдруг прыснул и весь страх прошел. Вылѣз из канав
тихо стал подходить к старухѣ.

— Бабушка... Ты што-же это? Поешь-то больно жал
Словно дьяк... У-у-у-у...

Засмѣялся и отскочил, чего-то испугавшись.

— У-у-у... Словно пчела над медом. У-у-у...

Сорвал василек и бросил в тарелку с пятаками.

— Ах ты... Галка... трешишь, пугало...—захныкала стар
хлюпнула носом и сверкнула распухшими бѣлками.

— И не стыдно... Вот вѣдь... Народ-то. Сидит слѣпень
Нищая—тряпье да кости... А он... И какой тут смѣх? Ма
кругом, а... смѣется.

Сплюнула на траву и закрыла корявой ладонью зелены
дяки.

В кронѣ березы завозились птицы. Брызнула теплая р
вѣток на лицо Вольки. Закружился зеленый лист в воздухѣ,
цвѣтов пьяния и зной распалял утомленное тѣло.

Волька сѣл на траву и умолк.

Было тихо и ясно. Накалялись кресты и курился жасмин

— Ты тута? Ась? — спросила старуха и стала шари
травѣ.

— Здѣсь я...—сердито отозвался Волька и растянулся.—
ужо не злись...—сказал он, помолчав, мирным тоном!

— Больно уж хорошо тут. Солнышко и прочья драв
небойсь, не видишь... Воп глазищи-то... Словно яблоки.—

Умолк и весь насупился. Стало близким старухи, но
злость на что-то вздрогнула в душѣ и потускнѣло горячее
сіянія. Что-то вспыхнуло в груди, далекое и зудящее,
ядовитую тоску, и холодом окатило всего, и вздрогнули
рѣсницах.

— Не видишь, небойсь...—повторил Волька и стал жмури
от остраго блеска лазури.

— Отче-е на-аш...,—запѣла старуха и снова вся согну
неподвижное, мертвое лицо утонуло в складках предсмертной
Не мигали бѣлки в кровавых пятнах, а косые лучи рѣзали
синеву небес и падали прямо на лицо ея. Слезились глаза
жали капли на дряблых щеках.

— Бабка... А ты.. не пой. Ей Богу—не пой...—
Волька и вздрогнул голос. Дернул за старухин рукав и
ливо стал губы кусать.

Слѣпая умолкла и улыбнулась.

— Ишь, мальчишка-то... Смѣх с тобой один... Ей Богу

— Бабушка, што ты тут сидишь. Не подаст никто.
да глухо. Одни мухи да кресты...—удивился Волька и
—ску-шно да тошно одной-то...

— Посадили так,—вздохнула слѣпая—Вот я сижу.
зайдет. Ой рѣдко. А у ворот стоять нельзя. Стара, говорят,
Задавят еще. Бѣда...—

Чернѣли зеленые мѣдяки на грязной тарелкѣ и
угольком сверкал на пятаках брошенный василек.

Прилетѣла бабочка, вся золотая, с пурпурными узорами и

Апостол Бунта.

Во мракѣ ночи, за черной тучей
Темнѣет небо, чело нахмуря...
В груди орлиной, в груди могучей
Клокочет гнѣвно глухая буря!

С пѣвучим лязгом, обрызгав кровью,
Сковали цѣпи, терзая, тѣло.
К распятой Правдѣ, горя любовью,
Гремя желѣзом, идет он смѣло.

Идет с проклятьем. Идет с молитвой.
Свѣтильник рдѣет в рукѣ рубином.
И перед грозной, безумной битвой
Пылают очи огнем орлиным...

Трепещут змѣи... С шипѣньем гады
Забились в страхѣ во мрак и плѣсень...
А он, могучій, забыв преграды,
Поет нам чары мятежных пѣсен.

Баян Пламень.

Маленькій фельетон.

„Не избавит тебя ни Бог, ни Царь, ни герой
А сам своей рукой".

Вот уже сколько вѣков, изнеможенный от цѣпей рабства и гнета, я жду избавленія. Пригвожденный к столбу, с поникшей головою стою я, прислушиваюсь: вопли отчаянія, крики ужаса, раздирающіе душу стоны, плач...

Я жду избавленія... Как волхвы нѣкогда по звѣздам искали Новорожденнаго Младенца... Я ищу...

Но гдѣ же царство Божье?.. Спасенія нѣт. Я ниц припал к землѣ: она безмолствует. В отчаяніи я рву себѣ волосы, я мчусь, как вихрь, как ураган... Сильный вѣтер, оплодоми меня, оглуши меня!... Небо заволокло зловѣщими черными тучами: угрюмо смотрит на меня оно. Но гдѣ же солнце? Аль не слышит? Милліон страданій, море крови и слез...

Из-под туч показалось солнце яркое, красное, как пламенный очаг... Ты слышишь, Солнце, вопли, крики, стоны?.. то вопли обездоленных бѣдных матерей, то крики голодных, томящихся в сараях подвалах их дѣтей и грудных младенцев, то стоны умирающих... А рядом, ты видишь безстыдныя оргіи, разгул, разврат, обиліе наслажденій. Отвѣтствуй, Солнце, доколѣ, доколѣ?.

Поднялась буря, зашумѣли деревья, забушевало море...

„Безумец! Ты ждешь избавленія от других, ты, как жалкій трус, как нищій протягиваешь руку за подаяніем, а счастье в руках твоих. Вон, на тронѣ, в пурпуровом нарядѣ, в блескѣ золота и серебра величественно сидит порождающій рабство Капитал, источник всѣх несчастій и страданій, мать лжи, несправедливости... Вот твой злѣйшій враг. Но он силен и могуч. Будь мятежен, как море, кипуч, как вулкан, свергни его, и цѣпи твои сами раскуются. Таков был отвѣт солнца.

Пробудилось мое сознаніе. В диком изступленіи я закричал: „Довольно лжи!... Трижды будь ты проклят, хитрый Капитал!. Долой цѣпи рабства... Долой поработителей и угнетателей! К позорному столбу! Послышалась буря аплодисментов, раздались ликующіе крики, звуки радостнаго пѣснопѣнія, звуки арфы, барабанный бой. Прояснилось небо, заиграло солнце, послышалось пѣніе соловья.

М. А. Черноностов.

...полулюди, как вьючныя животныя, работаем на капиталистов, на власть, даем им удесятиренныя блага жизни, а сами живем в нищетѣ и в невѣжествѣ...

Неужели в этом есть смысл нашей жизни?

Нѣт—мы еще не забыли лозунга—**мир, равенство и братство,** потому будем проповѣдывать **всемірную революцію**, будем проповѣдывать разрушеніе власти и государства — через это придет только вѣчный мир міру!

Чтобы было равенство **мы должны взять в свои руки всѣ народныя богатства, всѣ предпріятія,** гдѣ бывшій собственник и властитель, будет таким работником, как и ты—брат рабочій.

И будет равенство, а через него—придет братство!

Да здравствует великая федерація коммунистов!

Да здравствует мирное счастье Анархіи!

Михаил Удалов.

Письма в редакцію.

I.

Уважаемый редактор!

Не откажите помѣстить в вашей газетѣ нижеслѣдующее письмо с просьбой перепечатать его в других газетах:

Будучи членом одной из соціалистических партій, в которой всѣ члены, как и вообще во всѣх соціалистических партіях, должны строго подчиняться партійной дисциплинѣ, я чувствовал, благодаря послѣдней, скованным себя в цѣпях, я чувствовал, что я задыхаюсь в партійной соціалистической атмосферѣ, основанной всецѣло на подчиненіи воли масс той кучкѣ людей, которые называются лидерами партіи, я замѣтил, что творческія силы масс, подчиненныя этим царькам партіи, связаны по рукам и ногам веревками своих вожаков. Я замѣтил, что каждый может думать только так, как думает мозг партіи—ея центральный орган; каждый может дѣлать только то, что не выходит за предѣлы, установленные головой партіи. Все же, что находилось у каждаго члена партіи и было не согласно со взглядами лидеров ея, молчаливо должно было или таиться внутри, чтобы разростись до таких размѣров, что можно было бы сорвать с себя цѣпи дисциплины или безпощадно изгоняться, чтобы сдѣлаться покорным слугой всѣх приказаній, исходящих от партійных властителей.

Творческим силам отдѣльных лиц не было мѣста в партіи, не было в ней и широкаго простора, гдѣ бы каждый мог развернуть свои силы во всю свою мощь, не считаясь ни с какими партійными преградами. В такой атмосферѣ жить человѣку, у котораго сердце сильно бьется от желанія перестроить общественный строй на принципах равенства, братства и справедливости, не возможно. В ней можно только задохнуться и безполезно уничтожить свои силы, которыя так необходимы в данный момент для строительства новаго свободнаго общества. Я не хочу подвергаться дѣйствію этой опасной и вредной атмосферы! Я хочу жить, жить для того, чтобы хоть камень вложить своими руками в зданіе новаго общества. Я хочу жить и работать с тѣми, кто ищет правды красоты и истины, кто хочет свергнуть цѣпи государственности, этой проклятой основы всѣх зол настоящей поры. Я хочу жить там в той средѣ, гдѣ есть простор для души и творческим силам, гдѣ отсутствуют узы для широкаго размаха человѣческой энергіи. Я хочу и работать в вашей средѣ, товарищи-анархисты! Я ухожу из партіи трудовой-народно-соціалистической и прошу принять меня в вашу среду, чтобы и я мог вмѣстѣ с вами дышать свободно, творить анархію, которая выведет все общество на путь счастья, равенства, братства и справедливости. Только вы—истинные борцы за счастье народа и его благополучіе! Только вы настоящіе защитники всѣх обездоленных и оголенных! Только вы дѣйствительные кузнецы новаго общества. Примите-же меня, дорогіе товарищи, и дайте мнѣ возможность творить с вами великое дѣло.

А. Хватобин.

II.

Голодный к голодным.

Дорогіе товарищи безработные.

Я солдат, отпущенный и теперь безработный, вот уже с ноября мѣсяца нахожусь без работы; с ноября мѣсяца до настоящаго дня околачивал пороги профессіональнаго союза деревообдѣлочников и я, товарищи, не один, а нас тысячи таких героев в сѣрых шинелях. Там, в окопах, голодали и теперь здѣсь же нас отпускают с миром, как нагих и босых: идите на всѣ четыре стороны, вы свободны.

Дорогіе товарищи, нас много и мы всѣ голодаем и стонем. Многіе из нас думают, кто, то за нас сдѣлает кто-то даст нам работу; нѣт, товарищи, никто для нас не сдѣлает если мы будем молчать, ибо сытый голодному не вѣрит. Ибо товарищи которые работают у станков они не так голодны, как мы. Вы, товарищи, прислушайтесь на собраніях комитетов рабочих и и разных комиссій там нѣт в рѣчи о безработных, да другой раз упомянут о безработных, да вздохнут и забудут.

Товарищи, я скажу вам словами поэта никто не даст нам свободу, ни бог, ни царь, и герой. Не добьемся мы свободы своею собственной рукой. Только товарищи не такой свободы, что свободно можно голодному помирать. Нѣт, товарищи, чтобы возможно было жить, работать, быть сытым и с голоду не умирать.

Много из нас товарищей, чтобы не отправиться на тот свѣт с голоду, занимаются разными дѣлами, торговлей папирос и другими товарами.

Из разсказа одного безработнаго товарища торгующаго папиросами. У него отняли папиросы и отправили его в комиссаріат, там составили протокол и потом притащили его в суд „за спекуляцію". Товарищ на судѣ (народ. суд) об'яснил, что он солдат, отпущен домой (уволен его год), его родина занята нѣмцами, и здѣсь он обходил всѣ биржи, министерства и был в Совѣтѣ за поиском работы, но ему вездѣ был дан отказ и вот, чтобы с голоду не умереть он стал торговать папиросами, но и что-же вы думаете, суд вынес ему вот какую резолюцію. Никакого наказанія не дали, а слѣдующій раз больше папиросами не торговать, а какія были у него на гроши папиросы куплены, конфисковали.

Я спрашиваю, гдѣ совѣсть у этих судей была, когда выносили они этот приговор?

Прошу, товарищи, откликнуться на мой призыв. Давайте создадим инціативную группу для устройства общаго собранія безработных, на котором мы могли бы освѣтить всѣ вопросы нашей голодной жизни и соотвѣтствующія принять мѣры.

Ибо, товарищи, никто для нас не дѣлает ни биржи, ни правительства и не профессіональных союзов, а проф. союзы это как один товарищ выразился на всерос. съѣздѣ, это живые трупы.

Солдат рабочій—столяр

III.

Дорогіе товарищи! прошу помѣстить в вашей уважаемой газетѣ „Буревѣстник" настоящее ниже изложенное письмо.

У нас, в охтенской мѣстной командѣ, на общем собраніи товарищей-солдат 24-го января, в порядкѣ дня был поднят вопрос. **Ввиду продовольственной разрухи**

...качаясь, на желтый одуванчик. Волька шутя, спугнул соломкой ее и вдруг затосковал.

— Сѣно, небойсь, теперь возят у нас... И-их народищу то высыпало... Што муравьев.—

Зажмурил и закинул голову.

— А пѣсни-то... Го-осподи.—Захлебнулся он от восторга.—А хлѣбов-то. Божухна милостивый...

— Ну, и дурак, сказала слѣпая, стерѣв широким листом пот лица.—И[illegible] шел в город... словно тут тебя... и ждали. Тут, брат, без тебя... ртов-то разинутых—хоть пруд пруди... Да-а—И вдруг разозлилась.—Бараньи головы. И сами не жрут и другим хлѣб отбивают.—

— Мнѣ батька все говорил: хлѣба нѣту. Мякину лопать будем.—мямлил Волька, не слушая старуху.—Дармоѣд, говорит, сын мой... Не работяга. Словно я, на печкѣ лежа, орѣшки грыз... А я-то... я-то...—Весь вспыхнул и вскочил:—Ночи не спал. На ночном. А то косил. А то еще пастухом. Все я... А батенька... Дармоѣд, говорит. Ну я плюнул. Пропадай пропадом все! Ей-ей... Так и сказал.—

Старуха засмѣялась долгим, хриплым смѣшком, перешедшим в кашель, густой и хлюпающій.

А Волька лег и губы вздрагивали и все лицо пылало, как мак. Блѣдныя, худыя руки рвали злобно траву и в глазах, полных влаги, была обида и злость.

— Да святится имя Твое... да пріидет царствіе Твое...—запѣла слѣпая. И в голосѣ уже не было ничего святого, ничего жуткаго и молящаго, что так удивило слух Вольки.

Плыло старческое нытье из шамкающаго, беззубаго рта и раздражало оно и заглушало музыку бирюзовых крылій.

Весь день проскучали на полянкѣ под березой и уж почти ничего не говорили. Волька уснул на травѣ и спал тяжелым, как свинец, сном, а слѣпая пѣла и жевала, сочно тьмявая, густой мокрый кусок сѣры.

Вечер пришел душный, томящій, полный звона и пыли. Ложилась роса и теплый воздух густо налился пьяным медом и в дымных, душистых облаках дрожали цвѣты.

Не стихал грохот и гул и желѣзный лязг города, а еще тяжелѣе стонало громыханіе его в раскаленных тучах вечерней пыли.

Дым висѣл над морем теплых домов и солнце тускло багровым шаром плыло вниз и сумерки кошмаром вползали в смрадную духоту. И в муках умирал трудовой день вѣчно усталых, вѣчно изнемогающих людей.

Зной становился душнѣе и жаром пышал вѣтер и далеко, на востокѣ дрожали вспышки и ползло оттуда черное рваное чудовище туч.

Волька проснулся мокрый от пота. До опьянѣнья пахли цвѣты: так благоухают они только перед грозой, послѣ горячаго, как пламя, дня.

— Вѣрно гроза будет—сказала слѣпая Вольке, зѣвавшему во весь рот.—Парит, словно в банѣ. А боюсь я дождя... Ай, боюсь...—

Помолчали. Было тихо, сонно... И томились чащи в безмолвіи гнилаго вечера.

И когда первая, тяжелая, как алмаз, капля упала на березу—[illegible] порвали тучу и поплыл гром, мощный, как удар дуба. Город [illegible]. Вѣтер швырнул пахучій холод в лицо. Хлынула волна стужи [illegible], а вдали уже рѣзали нити дождя остывающее небо.

И так сидѣли они призраками: одна старая, сѣдая, с распухшими, незрячими бѣлками; другой—ребенок, весь ужас и тоска. [illegible] крупный, холодный дождь. Шумѣли тяжелым, ночным ропотом липы. Волька стал плакать, уткнувшись в мокрый курган.

А старуха запѣла во тьмѣ хрипло и жутко:—хлѣ-ѣб наш насущный-ый...—

Шла ночь и город засыпал.

W. J.

Бог и христіанство.

Бог есть воображаемое существо, которое кажется человѣку самодовлѣющим, высшим, таинственным и непонятным существом. Человѣк не может представить себѣ ничего выше своего Бога. Он боится даже задаваться вопросами, что такое Бог сам по себѣ!?! Увѣренность в существованіи Бога, кажется ему болѣе достовѣрной, чѣм его собственное существованіе.

Для первобытнаго человѣка, когда он жил в шалашах и на деревьях, весь реальный мір казался ему миражем. За дѣйствительность принимал он лишь сущность вещей, принятых за существа: боги, духи, демоны, добрые или злые призраки, а также солнце, луна, звѣзды, гром, молнія и пр. явленія природы считались его божеством и он им поклонялся. Дикіе звѣри, обладавшіе клыками, когтями и зубами, были тоже его божеством, он им поклонялся, ибо они во всякое время могли его с'ѣсть. Ночь представлялась ему злым духом, распростершим свои черныя крылья на землю, а день считался добрым духом, распростершим свои бѣлыя крылья на землю.

Когда же человѣк мало-по-малу начал культивироваться и строить себѣ жилища, то сейчас-же он начал сооружать и храмы для своих богов, которым приносил в жертву самые лучшіе кусочки пищи, с'ѣдаемые, конечно, жрецами, а не богами. В момент расцвѣта греческой культуры художники греческіе начали воплощать в художественных статуях богов. Боги Гомера пьют и ѣдят, это значит, что питье и ѣда—наслажденіе богов. Боги Гомера обладают физической силой, это значит, что физическая сила сама по себѣ есть нѣчто прекрасное, божественное. „Зевс, сильнѣйшій из богов!" Древніе германцы считали высшей добродѣтелью—добродѣтель воина, поэтому их рыцари собирались под дубом для совѣщаній и рѣшенія вопроса о войнѣ. Их главным богом был „Марс", бог войны — „основной или древнѣйшій закон". Из этого видно, что главной, истинной и божественной сущностью, с древнѣйших времен, является не свойство божества, а божественность свойства.

С точки зрѣнія философов и теологов христіанской религіи Бог есть безконечное существо. Бог совершенен; Бог вѣчен; Бог всемогущ; Бог свят. Словом, Бог понятіе положительное, включающее в себѣ все реальное.

Христіанскій Бог вочеловѣчился, принял облик человѣческаго Бога, т. е. Христа, явившагося олицетвореніем любви, кротости, справедливости, который, по преданію, был распят за грѣхи людей и поэтому, христіанская религія отличается от других религій именно тѣм, что ни одна из прежних не выдвигает спасеніе человѣка так настойчиво, как она. Она и получила названіе „ученіе о спасеніи". Но это спасеніе не есть мірское, земное счастіе и благо, оно есть отвлеченное — „абстрактное" спасеніе. По христіанскому ученію для того, что бы получить спасеніе нужны не радость, не наслажденіе, а страданіе: словом, христіанская религія есть потребность сердца, а не разума; есть символ покорности, а не свободы. Несмотря на это — эта религія, болѣе чѣм другія, связывает свое ученіе, вопреки ученію того, который называется ея богом, с проклятіем и благословеніем, с наказаніем и блаженством. Значит, по этому ученію, вѣрующаго ждет блаженство, невѣрующаго — гибель и осужденіе. Слѣдовательно она апеллирует не к разуму, а к чувству к исканію блаженства, к аффектам страха и надежды. Она не стоит на теоретической точкѣ зрѣнія: иначе она высказывала-бы свое ученіе свободно, не связывая с ним критических слѣдствій и не заставляя вѣрить насильно; ибо утвержденіе, что невѣрующіе осуждены на гибель, есть косвенное насиліе над совѣстью людей. Страх перед адом заставляет их [illegible]. Вѣра эта [illegible] на представленіе, что діавол есть [illegible], а Бог [illegible] твореніе добра. Оба они имѣют [illegible] — только качества их различны или даже противоположны. Поэтому вплоть до наших дней вѣра в діавола тѣсно связана с вѣрой в Бога, и отрицающій діавола считается таким же атеистом, как и отрицающій Бога.

Подтвержденіем сущности всякой религіи, в том числѣ и христіанской, является еще молитва. По мнѣнію вѣрующаго, она всемогуща. Бог исполняет то, о чем его просит благочестивый человѣк в молитвѣ.

Сокровенная сущность христіанской религіи есть тождество существа божія и человѣческаго, а форма религіи есть различіе между богом и человѣком. Бог есть человѣческая сущность, но он сознается, как другое существо, другими словами говоря, бог только в этой опредѣленности есть истинный бог. Іисус есть Христос, истинный, единственный пророк, единственный сын божій. С точки зрѣнія христіанина вѣрующій имѣет бога за себя, а невѣрующій—против себя. Только возможность обращенія невѣрующаго в вѣрующаго обезоруживает бога, и этим об'ясняется требованіе отказаться от невѣрія. Поэтому вѣра ассимилирует себѣ только вѣрующих и отталкивает невѣрующих. Она добра по отношенію к вѣрующих и зла по отношенію к невѣрующим.

Христіане по существу, как іудеи, мусульмане и народы других вѣроисповѣданій, эгоисты, тщеславны и самодовольны; они видят сучки в вѣрѣ нехристіанских народов и не замѣчают, как и послѣдніе, бревен в своей собственной вѣрѣ. Только вид религіознаго различія у христіан иной, чѣм у других народов, но природа вѣры, как таковой, одинакова вездѣ. Вѣра вездѣ осуждает и проклинает. Всякое благословеніе, всякое благо сосредоточивает она на себѣ и своем богѣ, как любовник на своей возлюбленной, а всякое проклятіе, бѣдствіе и зло оставляет на долю невѣрующаго. Вѣрующій участвует в благословеніи божіем и вѣчном блаженствѣ, невѣрующій предается проклятію, отвергается богом и людьми, ибо, с точки зрѣнія религій, человѣк не должен любить и щадить тѣх, от кого отрекся бог; это было-бы критикой божественнаго приговора. Магометане истребляют невѣрующих огнем и мечем, а христіане— геенной огненной.

Вѣра партійна по существу. Кто не за Христа, тот против Христа. Вѣра знает только друзей или врагов; она не может быть безпристрастной, она имѣет в виду только себя. Вѣра не терпима по существу потому, что она тѣсно связана с иллюзіей, будто ея дѣло есть дѣло бога, ея честь есть честь бога. Бог вѣры есть ничто иное, как об'ективная сущность самой вѣры. Поэтому религіозное чувство в сознаніе отождествляют дѣло вѣры с дѣлом бога. Бог является заинтересованной стороной; интерес вѣрующих есть сокровенный интерес самаго бога.

Вѣра не знает другого различія, кромѣ различія между служеніем богу и идолопоклонством.

Христіанская церковь говорит: „язычники молятся демонам; их боги суть бѣсы. Бѣс есть отрицаніе бога, он ненавидит бога, не хочет, чтобы бог существовал". Словом, христіанская вѣра, как и всякая, не терпима к своей противоположности и вообще ко всему, что с ней не согласуется. Ея терпимость была-бы нетерпимостью к богу, имѣющему право на неограниченное господство. По ученію церкви—то, что не признает бога и вѣры, не должно существовать, а фанатик-христіанин гордится убійством язычника, ибо этим он прославляет Христа. Церковь учит и говорит: „избранные будут смотрѣть на муки безбожников, не проникаясь состраданіем; напротив, эти невыразимыя муки заставят их восторженно благодарить бога за свое спасеніе". Из этого видно, что церковь, со своей вѣрой, проповѣдует, несмотря на свою внѣшнюю смиренность, жестокость и, конечно, есть противоположность любви, о которой [illegible] говорил ея бог—Христос. Стоит вспомнить всѣ ужасы [illegible] христіанской религіи, выразившіеся в формѣ инквизиціи, [illegible] бы окончательно отвернуться от нее. Далѣе, церковь считает выше законов естественной морали, и первая, высшая [illegible] гласит: „вѣруй"!

и недостаточнаго количества как хлѣбных, так и других пищевых продуктов, раз'ѣхаться по домам, впредь до востребованія своей части, и еще нѣкоторые вопросы.

Рѣшили раз'ѣхаться по домам кто куда желает и кому возможно куда ѣхать до востребованія своей-же части. Нѣкоторые товарищи-солдаты служившіе в командѣ, не имѣют ни кола, ни двора и ни гроша за душой и куска хлѣба (котораго не получаем 3 дня). Как вы думаете, товарищи, куда же эти-то несчастные голодающіе товарищи должны кинуться не имѣя ничего при себѣ? да вот куда, один путь: грабить и воровать—нѣт! До такого разбоя нельзя допустить и стыдно; нам надо всѣм об'единиться и пріобрѣсти себѣ все то, чего не имѣем и все то, без чего не может жить человѣк. Вѣрнѣе сказать, живой труп измученный несчастной судьбою и безполезной бойней, во славу любителей пушечнаго мяса. Мы обездоленные и безкровные, должны умирать голодными на грязной мостовой или панели.

Нѣт, до этого допускать нельзя, надо всѣм стремиться к Анархіи и Коммунѣ, только мы угнетенные найдем там пріют для себя и для других товарищей, не имѣющих ничего за собою.

Товарищи! еще нѣсколько слов о том же. 25 января было тоже собраніе, на собраніи обсуждали вопросы почти тѣ-же и еще доклад о текущем моментѣ нашего предсѣд. в С. Р. и С. Д. товарищ Ершова. Тов. Ершов сказал много краснорѣчивых фраз, но о хлѣбѣ сказал мало утѣшительнаго, одно твердил, что без особаго распоряженія, декрета или приказа от Совѣта Народных Комиссаров, раз'ѣзжаться по домам не возможно и недопустимо и еще добавил, что если же поѣдут солдаты домой, то командный состав будет предан Революціонному Трибуналу. Как глупо это сказано т. Ершовым, что хотя умри с голода, а ѣхать не смѣй. Товарищи-солдаты ему на это заявили: **что же мы должны умирать голодною смертью по вашему?** Но товарищ Соломонов, как предсѣдатель собранія и еще, в бытность, порядочная шкура унт.-офицерская, высказался в рѣзкой формѣ, **что можно без хлѣба прожить недѣлю;** такую нелѣпость он позволил сказать перед всѣми товарищами-солдатами, голодными и неполучающими уже в теченіе трех дней ни одного золотника хлѣба, кромѣ какой-то вареной бурды и немного каши, не болѣе 2-3 ложек на каждаго; такую нелѣпость и чушь собраніе встрѣтило недружелюбно.

Послѣ тов. Соломонова слово предоставляется тов. Ершову. Он говорит нѣсколько слов о том, что бы мы, солдаты, при полученіи новаго обмундированія сдавали бы старое, как, например, шинели Солдатами на предыдущем собраніи было рѣшено полученныя вещи не сдавать; тов. Ершов предложил сдавать и об'яснил что эти-то старыя истлѣвшія шинели будем одѣвать инвалидов, калѣк и плѣнных, прибывающих из плѣна.

Товарищи! Неужели мы опять к тому идем и опять запутаны купцами, кулаками и капиталистами которые имѣют по нѣсколько магазинов готоваго платья и склады сукон, от которых ломятся полки; возьмем, например, хотя в Гостином и в других рынках, неужели мы не можем их путем реквизиціи конфисковать хотя-бы по нѣсколько штук готовых вещей для того, чтобы одѣть не только что инвалидов и плѣнных, а и всѣх товарищей солдат Россійской Арміи. Глупо тѣм, кто стоит у власти и не может такового сдѣлать почему-то банки и нѣкоторые заводы и фабрики они могли взять согласно декретов С. Н. К. в государство. А этого взять боятся, вѣроятно они ведут борьбу с капиталистами на бумагѣ, а не на дѣлѣ, раз боятся взять по нѣсколько готовых вещей в каждом крупном магазинѣ или складѣ, принадлежащем какому-нибудь эксплуататору—купцу—кулаку.

Наш клич должен быть один: довольно ходить в этих похабных грязных и рваных лохмотьях и не давать его другим которые страдали, может-быть, больше нас. Товарищи солдаты, неужели мы этого достойны, чтобы ходить все время такими арестантами. Позор тому и тѣм, кто поддерживает руку купцов—кулаков и капиталистов. Я, как анархист, был возмущен такой нелѣпостью, и с своей стороны предлагаю встать на защиту наших интересов и других товарищей, угнетенных и порабощенных. Никто о нас не позаботится, если будем спать. Товарищи, всѣ, как один, стремитесь и встаньте под черное знамя Анархіи и труда.

Товарищей же инвалидов и плѣнных, прибывающих из плѣна, прошу не брать и отказываться от истлѣвшей рвани, которую невозможно носить, а требовать от тѣх, кто будет снабжать вас этой рванью, довольно сносную и прочную одежду, которую можно и подобает носить человѣку, а не какому-нибудь нищему.

Мое личное мнѣніе таково, что не только инвалидов и плѣнных, но и всѣх солдат в числѣ 12 милліонов, можно одѣть в штатское платье. Товарищи! пора дѣйствовать настала, не время дремать.

Долой частную собственность!

Долой капиталистов эксплуататоров и рыцарей легкой наживы!

Всѣ, как один, должны встать и стремиться к Анархіи и Коммунѣ. Только через Анархію мы можем получить все то, чего не имѣем.

Да здравствует Соціальная Революція!

Солдат-Анархист.

РАДІОГРАММЫ,

перехваченныя радіо-станціей Таврическаго Дворца, сообщают:

„Норддейче Аллгемейне Цейтунг" сообщает, что в Берлинѣ всѣ текущія дѣла, особенно продовольственный вопрос обсуждаются и рѣшаются в полном согласіи с графом Черниным.

—

Лондонская „Вестминстер" газета сожалѣет, что Версальскія рѣшенія оказались отрицательными, она гово..., что в них нѣт указаній на созидательную работу во исполненіе желаній широких народных масс, направленных к возстановленію упорядоченнаго сожительства народов. Газета находит, что необходимо немедленно организовать комиссію для пересмотра всѣх вопросов, связанных с планом будущаго союза народов.

—

Имперіалисты всѣх стран об,единяются.

Асквит, Грей, Гендерсон и другіе государственные дѣятели приглашаются в Америку для того, чтобы успѣшнѣе, чѣм лорд Норклифф, содѣйствовать англійской военной политикѣ. Это приглашеніе исходит от національнаго комитета американских церквей, план путешествія охватывает всѣ Штаты и 150 городов в Америкѣ.

—

Ищут виноватых.

Венизелос приказал арестовать за солдатскіе безпорядки бывших министров Кулудес, Ламброс, Салодоста, генерала Коммундурга, и др., чтобы окончательно подавить греческое движеніе в пользу мира.

—

Римскій лидер соціалистов Лазари арестован за агитацію против продолженія войны. Полиція конфисковала у Лазари брошюры антимилитаристскаго характера.

—

Мадридскія газеты выражают опасеніе по поводу вспышки значительных стачек в Испаніи.

НАУЧНЫЙ ОТДѢЛ.

Критика Трудовой Школы.

(Продолженіе).

На этот вопрос отвѣчаем отрицательно: нѣт. Болѣе подробно: нѣт сомнѣнія, что онѣ являют собою приближенія к нему, к этому соотвѣтствію, сравнительно с другими школами, но и онѣ страдая недочетами, в этом отношеніи, нас не удовлетворяют.

Начнем с болѣе слабой школы дѣйствія. Мы выдвинем сначала тѣ спеціальныя возраженія против нея, а затѣм будем критиковать заодно как первую, так и вторую.

Негодность этого термина и слѣдовательно и школы, как воплощеніе его, на-лицо.

Тут одна неопредѣленность и расплывчатость. Вѣдь дѣйствія есть полезныя и безполезныя, ловля мух тоже есть дѣйствіе; гимнастика—развѣ она не самое прекрасное дѣйствіе, однако, мы ее забраковываем, как безполезное дѣйствіе, как скучно—утомительное и нецѣлесообразное.

Но все это ничто в сравненіи с главной опасностью, которую таит в себѣ это слово и эта школа. Она являет собою опасность меньшевизма, именно, общеобразовательности легко перекрашивающейся в „дѣйствіе". Самые страшные пороки современной школы, все ея содержаніе и суть, та же книжная мудрость перейдет в новую школу под бандеролью дѣйствія она лишь будет сопровождаться дѣйствіем; все останется по старому, но с боку припеку будет дѣйствіе; к длинной мантіи зубрячки прибавится шлейф, дѣйствіе. Сильный эффект завершит скучнѣйшую драму отвлеченности—это наз modellien Arbeit или Fat. Абстрактные боги науки предстанут в видѣ иконы, олицетворенными в дѣйствіи. Старое тут будет лишь освѣжено, модернизовано; о новой практической культурѣ, о педагогической революціи не может быть тут—рѣчи.

Это не только не может удовлетворить нас в нашей крайней педичности, нас „педиста", но и она не в состояніи удовлетвор[ить] и крайняго послѣдовательнаго педагогическаго „трудовика", [приверженца] чистаго типа трудовой школы. Школа дѣйствія не только не педична, как укажем ниже, но и не культурно-образ[…]. Напрасно автор написал kulturgemäss. Она не соотвѣтствует [не]зарождающейся культурѣ труда,—культурѣ техники; она все [еще] тонет в отвлеченностях старой культуры, отвлеченной теорети[че]ской наукѣ, она лишь слегка задернута дымкой „дѣйств[ія]" псевдопрактикой, припудрена „дѣлом". Но перейдем к трудов[ой] школѣ.

Трудовая школа.

Трудовая школа в ея чистом видѣ, т. е. та, которая [вполнѣ] отрекается от теоретической культуры и всецѣло дѣлает своим [до]стояніем лишь практическую культуру, как принято называть [по]литехнику или как мы это болѣе правильно обозначаем „пант[ехн]ику", далеко оставляет за собою вышеупомянутую школу дѣйствія.

Со стороны культуры, со стороны **матеріала** воспитанія [сра]внительно мало остается возражать. Уязвима трудовая школа, [глав]ным образом, не со стороны матеріала, а со стороны продукта, [со] стороны ребенка. Первым дѣлом укажем на нѣкоторую узост[ь], возможное лжетолкованіе слова „труд". Дѣло в том, что [сло]во труд в узком смыслѣ означает один вид дѣятельности, дѣятель[ности] рабочаго и крестьянина, но не другія полезныя дѣятельно[сти], как напр. инженера, врача, бухгалтера. Конечно, мы мало огорч[ены] тѣм, что в это названіе не вкладывается понятіе о торговлѣ, спекуляціи и проч. мерзостях совр. общ. Тѣм лучше! Но если [мы] исключаем из школы ненавистныя нам формы дѣятельности и [об]щежитія, мы должны же **дать новыя взамѣн их**, а не оставл[ять] **пустое мѣсто.**

Мы имѣем труд, но гдѣ же **обмѣн**. Вѣдь один человѣк [не] производит все нужное, приндя, для себя. Трудовая школа есть шк[ола] трудового человѣка, но лишь **отдѣльнаго человѣка**, внѣ общест[ва]. Мы видим трудящагося, но гдѣ общество? Гдѣ взаимоотношен[ія] людей между собою? Трудовая школа есть Робинзоніада, в ея о[с]новѣ лежит индивидуальное хозяйство. Общины, общества тут [не] видно. Даже самый крайній анархист-индивидуалист все-таки пре[д]полагает нѣкоторое общеніе людей. В трудовой школѣ его не вид[но].

Трудовая школа не исправляет смертнаго грѣха старой ш[ко]лы: **пренебреженіе всѣм соціальным.** Этот бойкот соціальнос[ти] был необходим старой школѣ; вся ея „соціальность" исчерпывала[сь] портретами монархов-царей. Она не желала обнажить соціальныя [я]звы и потому обошла „общество" молчаніем, если не лгала, ли[це]мѣрила и поддакивала тиранам и злу. Но в будущей школѣ, [не]смотря на полнѣйшую свободу личности, свободу отдѣльнаго ребен[ка] и неприкосновенности психологіи дѣтства и молодежи, т. е. [кол]лективной личности дѣтства и молодежи, несмотря и на ненарушен[ност]ь их генераціонных (поколѣнческих) особенностей, нужд, интере[сов] и вкусов, ребенок все-таки будет разсматриваться и обслужи[]ваться, как общественник, а не как пустынник. Рука об руку с [ин]дивидуальным воспитаніем пойдет соціальное воспитаніе, воспитан[іе] для жизни в обществѣ, в такой или другой формѣ, но в ней, а [не] внѣ ея.

Трудовая школа должна представлять трудовую общину, — если так, то она уже перестает быть трудовой, т. е она станови[т]ся больше, она уже становится воспроизводительной репродукт[ив]ной, т. е. не берущая вырывающую из жизни взрослаго общест[ва] отдѣльные виды труда, отдѣльныя ремесла и пр., а строящая, [вос]производящая цѣлое общество, — **а это и есть школа воспроизве[]денія, репродуктива.**

Трудовая школа, слѣдовательно, недостаточно соціальна, [а] потому и недостаточно **жизненна**, ибо современная жизнь не эк[о]номически-индивидуальна, а экономически-соціальна; притом, она не одна экономическія, а болѣе широко соціальной; экономика [пе]реплетается в ней с другими сторонами общественной жизни. [Как] бы то ни было, и в будущем обществѣ будет управленіе, конеч[но] не принудительное, а добровольно-договорное, или в другой форм[ѣ], напр., совѣщательной, но управленіе же будет. А в трудовой шк[о]лѣ его нѣт. А если есть, то оно перестает быть лишь трудовой, становится опять больше: **воспроизводительной, репродуктивн[ой].**

Трудовая школа, далѣе, не только не приспособляет дост[а]точно к соціальной жизни, но и к жизни вообще. Человѣк не тол[ь]ко трудится, но и отдыхает, он и забавляется, он спит, кушает [и] пр. Человѣк вообще, не только трудится и обмѣнивает продукт[ы] своего труда, он и потребляет.

Всего этого в трудовой школѣ нѣт, или недостаточно пр[ояв]лено и выражено. Трудовая школа очевидно не есть еще шко[ла] жизни, **зеркало жизни.** Отдѣльныя ремесла и пр. не суть е[ще] жизнь, не охватывают жизни во всем разнообразіи. А жизнь [во] всем своем разнообразіи даст лишь школа Воспроизведенія жиз[ни], Репродуктива, изображающая и обхватывающая всю жизнь челов[ѣ]ка. Вот наша критика в общих словах. Болѣе научно и резюмир[о]ванно в слѣдующей главѣ.

(Продолженіе слѣдует).

Бр. Гордины.

Но так как между вѣрой и нравственным настроеніем нѣт никакой естественной, внутренней связи и так как вѣра по существу равнодушна к нравственным обязанностям, то всѣ ея дѣянія, имѣвшія мѣсто в исторіи христіанской религіи, соотвѣтствуют христіанству. Если-бы христіанство сдѣлало законом только любовь, то приверженцы его были-бы правы, и христіанство нельзя было-бы винить за всѣ ужасы исторіи христіанской религіи. Но вся бѣда в том, что христіанство приняло любовь не безусловно и что оно не поднялось до такой высоты, чтобы понимать любовь абсолютно.

Не нужно забывать того, что любовь есть мораль, а христіанство—религія.

По историческим данным любовь к человѣчеству не возникла впервые с христіанством и не проникла вмѣстѣ с ним в сознаніе человѣчества, и потому не есть исключительно христіанская идея.

Она явилась под вліяніем греческой культуры. Филон, греческій философ, восхваляя любовь, как наивысшую добродѣтель. Аристотель хотя и отличал еще человѣка от раба, но раба, как человѣка уже ставил на одну ступень с господином, допуская между ними даже дружбу. Эпиктет, раб, был стоиком. Стоики учили, что человѣк рожден не ради себя, а ради других, т. е. рожден для любви. Слѣдовательно, от практическаго принципа стоиков и является начало сознательной нравственной любви. Мір представлялся им, как общій город, а люди, как граждане. Например, Сенека в самых возвышенных нарѣчіях восхвалял любовь и гуманность особенно по отношенію к рабам.

Исходя из вышесказаннаго, мы—анархисты, признавая Бога, как чистѣйшій продукт фантазіи мысли; как слѣдствіе того „творенія из ничего", говорим: как мифологіи достаточно было мысленнаго сотворенія первых людей для полученія рода человѣческаго, так достаточно было мысленнаго сотворенія духа для полученія бога. Поэтому всѣ религіи с их богами и божествами являются, по нашему мнѣнію, также твореніями легковѣрной фантазіи человѣка,—а исходя из этого, мы, неизбѣжно, отрицаем бога, отрицаем религіозное поклоненіе и религіозное вѣрованіе с безсмысленными и курьезно-комичными обрядностями, и замѣняем мораль чувственную, моралью разума, т. е. свободной совѣстью, и говорим а) „не дѣлай другому того, чего не желаешь, чтобы тебѣ дѣлали"; б) „уважай себя и относись с уваженіем к другим, если желаешь, чтобы тебя уважали" и в) „люби себя и других, если желаешь, чтобы тебя любили". Хотя здѣсь можно сдѣлать нѣкоторое отступленіе, конечно, не такое, какое дѣлает христіанская религія, а отступленіе естественное—человѣческое, ибо любовь и ненависть тѣсно связаны между собой и отдѣлить их друг от друга нельзя.

Никто не может оспаривать того, что чѣм больше человѣк любит свободу и равенство, тѣм сильнѣе он ненавидит все, что мѣшает ему быть свободным и равным. Вот главное отступленіе, на которое я и указываю.

Свободный разум и свободная воля по низверженіи всѣх вышестоящих, как политических, так и духовных недосягаемых [вла]стей, положит в основу справедливость, равенство, братство и [вс]е матеріальное благосостояніе и счастіе. С того момента не [будет] господина ни на небѣ, ни на землѣ, ибо если, по недоразумѣнію, останется хотя-бы один господин, то сейчас-же возвратится и другой и счастія не будет, а начнется новое рабство. Рабство политическое породит рабство религіозное, а рабство религіозное породит рабство политическое. Слѣдовательно, чтобы этого не было, человѣчество должно освободиться от всѣх господ. Если это осуществится, то осуществится и тот рай и то счастіе на землѣ, о котором страждущее человѣчество, так долго молило своего небеснаго господина.

Повторяю и подтверждаю, что земные фетиши появились с момента появленія фетиша небеснаго, ибо когда было идолопоклонничество, жрец не был господином. Он был главарем, вожаком, как угодно назовите, только не господином. Если жрец или кудесник не удовлетворяли требованіям своего народа, то народ их изгонял или убивал; если идол не исполнял того, о чем молил его народ, то народ его сѣк. Попробуйте-ка наказать господина небеснаго? Вы его не накажете потому, что он есть дух, плод воображенія, плод вашей фантазіи, плод вашей мысли, и чтобы избавиться от него, у вас есть только один путь, это выкинуть его из своей головы.

С земными господами, правда, вам легче справиться, ибо они осязательны, но если вы в своем воображеніи оставите небеснаго господина, то так и знайте, что земной господин вновь появится под новой окраской.

Но для того, чтобы сдѣлаться самому господином положенія необходимо: во-1), узнать самого себя, ибо только, узнав самого себя вы узнаете и других; во-2), возвыситься до сознанія собственнаго „я", ибо когда вы будете сознавать собственное „я", то вы не пожелаете, чтобы другое такое же „я", все равно реальное или воображаемое, господствовало и управляло вами; в-3), возвыситься до признанія „я" другого, ибо если вы не признаете „я" другого, то и другое „я" может не признать ваше, и тогда вы не придете ни к какому добровольному соглашенію; в-4), необходимо прибѣгать к своему разуму прежде, чѣм совершить какой-нибудь поступок. Тогда, повѣрьте, не будет ни мучительнаго раскаянія, ни предательства, ни измѣны, ибо вы будете совершать то, что подсказали вам ваш разум и ваша совѣсть; в-5), необходимо быть духовно сильным, чтобы другая сила вас не поработила.

Можно привести еще много других примѣров, но сама жизнь натолкнет вас, читатель, на ряд других примѣров, а я пока ограничусь этими пятью примѣрами.

Итак подтверждаю, что мы—анархисты, отрицаем всякое господство, как земное, так и небесное, и замѣняем его господством разума и совѣсти, ибо эти два импульса и создадут фундамент, а в будущем и цѣлое зданіе свободы, равенства, братства и справедливости. Да здравствует Анархія!

К. Піо-скій (Безвластьев).

В виду закрытія Миннаго завода (Динамо), заводскій комитет просит рабочих и служащих упомянутаго завода явиться на общее собраніе, имѣющее быть 30-го января 1918 г. в 12 час. дня. Порядок дня: доклад тов. Багина о поѣздкѣ в провинцію по порученію рабочих и служащих.

Собранія Анархистов-Коммунистов в понедѣльник 29 января. (Клуб Ан. Коломенская 15, кв. 5).

Порядок дня:

1) Организація Земледѣльческой Коммуны.

2) Выбор членов организаціонной комиссіи.

В виду важности вопросов, подлежащих обсужденію, просим явиться всѣх товарищей.

Иниціаторы:

А. Григорьев.
Богданов.
Ирлянов.

Товарищи Анархисты Московскаго района, назначается регулярное собраніе по средам, Забалканскій, 126. Просим приходить всѣх сочувствующих.

ИЗВѢЩЕНІЕ.

Всѣх товарищей пекарей Ана[р]хистов увѣдомляем, что в во[с]кресенье, 28 янв., в 6 час. ве[ч.] состоится собраніе, В. О., 1[…] линія, д. № 18. В виду важно[]сти вопросов, просят явитьс[я] всѣх.

Собраніе Анархистов-Коммун[и]стов Охтенскаго Района, состо[]ится в воскресенье 28 январ[я] в 3 часа дня. Панфилова ул., д. 34, кв. […] II-ой этаж.

В. Остр. Группа Анархисто[в] устраивает лекцію т. Карел[…] в воскресенье 28 янв., в 3 ч[ас.] дня, на тему: „Вольный горо[д и] текущій момент; плата 50 [к.] тов. солд. безплатно. Адрес: 11 л. д. 18, 2-й эта[ж] клуб анархистов.

Редакціонная коллегія:

А. Андреев.
Г. Богацкій.
В. Л. Гордин (Бр. Гордин[ы]).
Евг. Чернозаменскій.

Просим товарищей с мѣст присылат[ь] в „Буревѣстник" хронику мѣстных со[]бытій и рост анархическаго движені[я].